

и крестный отецъ ихъ единственной дочери. Анисья Петровна часто смѣялась надъ нимъ, бранила его въ глаза, но когда онъ долго не являлся, посылала за нимъ Сашеньку.

— Погляди сходи, не занесло ли крѣснаго-то снѣгомъ,— говорила она зимой.

— Погляди—не задохнулся ли,—говорила она лѣтомъ.

И то, и другое предположеніе имѣло нѣкоторыя основанія. Кузьма Мосейчъ имѣлъ собственный, благопріобрѣтенный домъ. Домъ былъ очень странной архитектуры, но всѣ странности его были легко объяснимы. Прежде всего, домъ былъ очень малъ—это потому, что раньше онъ предназначался подъ баню. Этимъ же объясняется, почему во всемъ домѣ было только одно маленькое окно, размѣры котораго Кузьма Мосейчъ лишь нѣсколько увеличилъ. Домъ былъ одноэтажный снаружи и двухъ-этажный на самомъ дѣлѣ,—Кузьма Мосейчъ углубилъ подполье, обложилъ стѣны кирпичомъ и устроилъ тамъ кухню. Кухня соединялась съ каменной пристройкой съ боку домика. Эта-то пристройка подъ стеклянной крышей и служила чаще всего предметомъ насмѣшекъ со стороны Анисьи Петровны. Кузьма Мосейчъ былъ страстный цвѣтоводъ и на цвѣты тратилъ почти весь свой заработокъ отъ живописи. Знавшіе Кузьму Мосейча со смѣхомъ рассказывали, какъ онъ однажды заложилъ зимой шубу и на вырученные деньги купилъ дровъ для оранжерей. Весною, пересадивъ цвѣты, Кузьма Мосейчъ отправлялся въ села на работу и оставлялъ своихъ «дѣтей» (онъ былъ холостякъ и называлъ дѣтьми цвѣты) на попеченіе Авсиньи, старой и кривой бабы, приходившейся ему какой-то сестрой. Осенью кончались работы, и Кузьма Мосейчъ снова возвращался къ цвѣтамъ.

Кузьма Мосейчъ только-что возвратился съ работы и пилъ у кумы чай. Анисья Петровна, довольная и веселая, передавала ему городскія новости и трещала безъ умолку.

— Постоялецъ мой слума никакъ скоро сойдетъ,—вдохнула она легонько.

Сашенька, сидѣвшая тутъ же, нетерпѣливо передернула плечами. Кузьма Мосейчъ поставилъ блюдечко на столъ и испуганно воскликнулъ:

— Что ты!!

— Чудной какой-то сталъ, право... Ни къ нему кто, ни онъ къ нему. Прежде все-таки ходилъ кой-къ-кому изъ хорошихъ людей, а какъ зашелъ-было къ нему разъ исправникъ, Евгенія Александрыча-то, Сашенька сказала, дома нѣтъ—съ тѣхъ поръ ни къ кому. И съ учителями мало водится. Ну, да это-то и хо-